

Моск. правда - 1995 - 14 марта - с. 8
Дари добро, твори стихи — живи!

ЕЩЕ В РАННЕМ детстве Евгения Кунина «открыла, что душа способна бить ключами вдохновенья», а в юности, увидев падающую звезду и зная, что при этом надо загадывать самое сокровенное желание, крикнула в темноту ночи: быть мне поэтом!

..... - и узнала,
Что женщина, рожденная любить,
Во мне и жить еще не начинала.
Но заглянула я в ее лицо
И поступь видела.
И понимаю:
Она блаженна словно
деревцо,
Листою оперившееся
в мае.
Росинки для нее - родней сестер,
Как братья, с ней
сходны водопады,
В ее крови пылает не
костер,
А солнце. И другого ей
не надо.

Это фрагмент стихов «Столетие открытий», посвященный горячо любимому брату Иосифу Филипповичу Кунину, на 6 лет моложе. Он известный музыковед, специалист по второй половине XIX и началу XX веков, автор многих книг о русских композиторах, а его жена Роза Марковна - искусствовед. Так и живут они неразлучной троицей, помогая и ухаживая друг за другом в заставленной старинными книжными шкафами квартире недалеко от станции «Бауманская».

В своих воспоминаниях о Борисе Пастернаке, опубликованных в сборнике «Пастернак в воспоминаниях современников», Евгения Кунина пишет, как с братом наивными полудетями влюблялись в Андрея Белого и Александра Блока, благоговели перед Валерием Брюсовым и дружили с юным поэтом Борисом Лапиным. А весной 1922 года познакомилась с Борисом Пастернаком.

«Пастернаковская поэзия перевернула для нас землю и небо, заново открылась их прелесть, неповторимость, стремительность их музыкального воплощения». Это были счастливые времена, когда Евгения Кунина заканчивала Московский университет - этнографо-лингвистическое отделение факультета общественных наук, где изучала французский и итальянский языки. И параллельно - Высший литературно-художественный институт имени Брюсова (ныне - Горького).

«В 1923 - 1924-м жизнь нашей семьи круто и сурово изменилась. Брат мой стал тем «невинно осужденным мальчиком», о котором упоминает Борис Леонидович в одном из писем к своей ленинградской кузине и «в хлопотах о котором он дошел до Кремля».

Не дожив до благополучного окончания этих хлопот, умерла на сорок шестом году жизни наша мать. Семья наша, не только ее бесконечно любившая, но буквально жившая ею и материально ею поддерживаемая, пережила нечто сходное с солнечным затмением, пришедшим внезапно и безвозвратно. Затянувшись навсегда. Меня в этом затмении спасла необходимость немедленно заменить ее. Я ведь после гимназии, хоть и скрепя сердце, рвавшаяся к литературе, к филологии, пошла в зубо-врачебную школу, которую за шестнадцать лет до того окончила мама.

На следующий же день смерти матери я приняла первую пациентку...»
И Евгения Филипповна лечит зубы и кормит семью: безработного отца, больного брата, старую няню Василису. Популярность ее - как прекрасного, знающего врача - росла, больные ехали издалека, ни разу не получив отказа.

А в редкое свободное время сотрудничала с журналом «Вестник иностранной литературы» и Литературной энциклопедией. Переводила Роллана и Арагона, Мюссе и Шенье. И, конечно, писала стихи и складывала в стол. Так и про-

«В России надо жить долго. Тогда до чего-нибудь доживешь», - говорил Корней Чуковский. Надо бы, наверное, занести в книгу рекордов Гиннеса тот невероятный факт, что у человека, всю жизнь занимающегося литературой, первая книга стихов вышла только на 97-м году жизни тиражом всего одна тысяча экземпляров!

«Самое дорогое» - так называется эта книга, а ее автор - Евгения Филипповна Кунина, поэт, переводчик и эссеист, ученица Брюсова и Адаиса, друг Бориса Пастернака и Анастасии Цветаевой. До этого рукопись поэтического сборника 12 лет пролежала в «Советском писателе», где ее и потеряли, как это было принято в застойные годы. Тогда Миша Кунин, внучатый племянник Евгении Филипповны, собрал все стихи заново и сдал в издательство «Отечество». И только благодаря спонсорам - фонду семьи Цветаевых (президент - Саид Баев) и фонду психологической помощи, возглавляемому доктором психологических наук, профессором Владимиром Львовичем Леви, книга, наконец, увидела свет.

металась всю жизнь между зубами и стихами, между долгом и мечтой. Борис Пастернак с грустью сказал ей:

- Другие, с меньшими данными, отдаются этому как призыванию. Вы этого не сделали...

А Анастасия Цветаева в предисловии к лирической трагедии «Франческа да Римини» писала: «Знаю и цену стиху Евгении Куниной, негодую, что ее книга годы лежит, ожидая печати. Но ее «Франческа да Римини» - вещь исключительная. Вы, прочтя, согласитесь со мной. А лежит она чуть ли не полвека по совершенной инертности и пассивности автора. Помогите это исправить!»

Кунина окончила с золотой медалью ту же московскую частную гимназию Потоцкой, что и Цветаева. Но судьба свела их уже после возвращения Анастасии Ивановны из лагерей и ссылки. В повести «Старость и молодость» писательница упоминает о семье Куниных, приютивших и обогрехших ее в эти тяжелые годы: «Будь они со мной не с 66, а с 16 лет - о, как было бы мне легче...»

- Мне ее очень не хватает. Пусто в сердце и комнате... Асюрочка моя... - не может Евгения Филипповна примириться с мыслью, что самого преданного друга уже нет.

Как облака, лишь медленней и тише,
Друзья ушли,
дарованные свыше.
И новые идут ко мне
друзья.
Но мнится, их покину
первой я.

Евгения Филипповна была крестной дочерью Анастасии Ивановны. «Дочерью» не всегда послушной. Обе - творческие личности со сложными характерами - они, бывало, и спорили, и ссорились...

Но их сердечная верная дружба - со встречами и разговорами, с каждодневными звонками и открытками - выдержала все испытания и бедности, и болезнями, и славой Анастасии Ивановны. А какое искреннее участие в каждом, кто был с ними знаком! Какая неутомимая

тяга к знаниям, к чтению, когда глаза уже почти ничего не видят и приходится просить почитать. Так, Анастасия Ивановна и Евгения Филипповна попросили меня однажды, когда я приехала к ним в дом творчества в Переделкино:

- Прочтите нам, пожалуйста, в «Юности» повесть Марка Алданова «Святая Елена, маленкий остров».

Увлечательный текст повести изобилует французскими и английскими вставками, которые я с трудом преодолевала, несмотря на сноски перевода. Мои внимательные слушательницы, чье разностороннее дореволюционное образование недосыгаемо по сравнению с нашим высшим («мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь»), терпеливо поправляли меня. Но когда я добралась до описания расширенных сверкающих глаз Байрона, слушавшего романс Грэтри «Я боюсь разговаривать с ним ночью», произошло чудо: Анастасия Ивановна и Евгения Филипповна запели этот мелодичный старый романс по-французски, слабыми голосами, но очень задушевно и с большим чувством. Надо было видеть их воодушевленные, помолодевшие лица!

В тот вечер Анастасия Ивановна подписала мне фотографию, сделанную их друзьями, супругами Коршунковыми: «Милой Тане Мельниковой на добрую память нашу общую карточку с Женей Куниной. Наша встреча в старости согрела наши жизни и дала силы жить дальше старческие нелегкие годы. Мы вместе ездили в дома творчества, где мы писали: она - стихи, я - прозу. И в Коктебель, к любимому морю, к дому Волошина, где долго жила его вдова Мария Степановна. В Кясму, в Эстонию, к тем же хозяевам, в полюбленную северную природу».

Таинственные северные зори -
Столь долгие, столь
полные прощанья!
Как медлит розоватое сиянье,
Как нехотя тускнеют
облака.

И вдруг блеснет
нежданный луч над морем,
И даль залива озарится
светом,
Как будто солнце
ласковым приветом
Душе напомнит: милость
велика.

Там, в Кясму, куда с 72-го года в течение 14 лет ездила Евгения Филипповна вместе с Анастасией Ивановной, поэтесса поняла, как ее стихи нужны людям.

- Заведующая клубом пригласила участвовать в литературном вечере. Это был бездарный вечер, но мои стихи выделялись. Тогда она устроила мой авторский вечер, и народ с нижнего этажа подно-

сил скамейки, чтоб услышать - не хватало мест - и спрашивал: «Где можно вас прочесть?» - У меня дома, - отвечала я, потому что нигде не печатали...

Эти встречи со слушателями стали традиционными и всегда имели неизменный успех. Евгения Филипповна и сейчас пишет стихи. Вот ее последние - об Анне Ахматовой:

Единственно чтима
многолюбимая Анна,
Царица, терновый венец
своей пронесшая гордо,
Ты нам подарила поэзии
строгой аккорды,
Простые и сложные,
словно строенье органа.

Пишет стихи не на бумаге, а в голове. Запоминает, а потом читает домашним и друзьям:

Я слепая и шатучая,
Я теряю направление.
Может, это признак
гения -
Помнить, что зовут
- Евгения,

- переводит в шутовское русло разговор, когда спрашивают о здоровье...

Евгения Филипповна, милая, живите подольше и радуйте нас своим удивительным даром. И подвигом перевоплощения мук старости в искрометные жизнеутверждающие строчки:

Ведь все же не одна
слезоточивость
Нам старостью
неведомой дана,
Я даже стала словно бы
счастливей,
Успокоеньем внутренним
полна.

Теперь мне больше
ничего не надо
Из жарких благ
признанья и любви.
Вернейшая завещана
отрада -
Дари добро, твори стихи
- живи!

Татьяна МЕЛЬНИКОВА.

На снимке: Е.Кунина и А.Цветаева.
Фото А.КОРШУНКОВА.